

Был ли убит отец Достоевского?

1.

Биографы великого писателя, обращаясь к «одной из самых трагических страниц в семейной хронике Достоевского» — убийству в июне 1839 г. крепостными помещика М. А. Достоевского, — располагали тремя источниками.

Первый — «Воспоминания» А. Достоевского, младшего брата писателя. А. Достоевский сообщает: «...в деревне Черемошне на полях работала артель мужиков... Выведенный из себя каким-то неуспешным действием крестьян... отец вспылил и начал очень кричать... Один из них, более дерзкий, ответил на этот крик сильною грубостью и вслед за тем, убоявшись последствий... крикнул: “Ребята, карачун ему!..” и с этим возгласом все крестьяне, в числе до 15 человек, кинулись на отца и в одно мгновение, конечно, покончили с ним...» Из Каширы приехало так называемое временное отделение. Первым его делом было выяснить, сколько мужики могут дать за сокрытие этого преступления. «Не знаю, на какой сумме они порешили, и не знаю также, где крестьяне взяли вдруг, вероятно, немаловажную сумму денег, знаю только, что временное отделение было удовлетворено, труп отца был анатомирован, причем найдено, что смерть произошла от апоплексического удара...»

* Литературная газета. № 25. 16 июня 1975 г.

Когда А. Достоевский работал над «Воспоминаниями», ему, летописцу семьи, даже через полвека был непонятен факт сокрытия убийства. В черновиках есть запись: «Скрыли. Почему скрыли... Почему не возбуждали». Поразительно: сыну не было известно, что следствие по делу о скоропостижной смерти его отца продолжалось более 16 месяцев.

Второй источник — воспоминания дочери писателя. Л. Достоевская пишет: «Мой дед Михаил обращался всегда очень строго со своими крепостными. Чем больше он пил, тем свирепее становился, до тех пор пока они в конце концов не убили его».

Тенденциозность и фактическая недостоверность «мемуаров» Л. Достоевской отмечались многими крупными исследователями жизни и творчества Достоевского, в частности А. Долининым. Однако версия о свирепости М. А. Достоевского и его алкоголизме, не подтвержденная надежными источниками, распространена в биографиях писателя.

Наконец, существуют записанные в Даровом и Черемош не в 1920-х годах рассказы крестьян о том, как черемошинские мужики, сговорившись, «кончили» барина. Рассказы сбивчивые и противоречивые, причем некоторые крестьяне решительно отстаивали версию о естественной смерти М. А. Достоевского, но ее сочли «официальной», ложной, и она внимания не заслужила.

Между тем анализ материалов по делу о смерти М. А. Достоевского и ряда других документов, не попадавших до сих пор в поле зрения исследователей, дает возможность совершенно по-иному представить картину смерти отца писателя, да и сам его образ.

(Пользуясь случаем, автор благодарит Б. Я. Гохштанда, главного хранителя фондов ЦГА гор. Москвы, и сотрудников архива Тульской области за помощь.)

2.

Умри М. А. Достоевский естественной смертью — писали бы о нем как о деспоте, запойном пьянице, неблагообразием своим «омрачившем детство и отрочество» сына? Или, быть может, он

назван был бы рыцарем долга, ценою разрыва с отцом и семьей ушедшим за тысячу верст учиться медицине? Незаурядным врачом и замечательным отцом, сделавшим много для образования своего сына?

Все 16 лет своей службы в Московской больнице для бедных М. А. Достоевский — младший ординатор. Драматическая судьба М. А. Достоевского — тема специального исследования автора. Скажем лишь, что одаренный врач после десятилетней службы вынужден довольствоваться окладом в тысячу годовых. А одно только обучение старших детей в лучших частных пансионах стоило более двух тысяч. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы приработать многочисленными визитами.

В 1831 году удалось осуществить давнюю мечту — в Каширском уезде Тульской губернии приобретается на имя жены сельцо Даровое. Мизерное, около 96 десятин с 76 крепостными. Соседом Достоевских стал брат бывшего владельца Дарового, ветеран французской кампании, майор в отставке П. П. Хотяинцев. Владелец двух имений и пятисот душ жил рядом с Даровым, и земли его обнимали землю Достоевских.

«Формальная неразделенность» приносила немало огорчений Достоевским. Полосы соседской земли вторгались в их владение, пять дворов крепостных Хотяинцева стояли на их земле. Хотяинцев мог вывести крестьян с земли Достоевских, снять чересполосицу и, по согласию разменяв земли, установить границы владений. Но он не делал этого. Поразительным документом является найденный мною план имения Достоевских, относящийся к 1847 году, когда наконец были размежеваны земли Достоевских и Хотяинцева. На плане видно, как жестоко использована земля Достоевских владениями Хотяинцева.

Достоевские не захотели терпеть троекуровское самодурство соседа, унижительную зависимость от его прихоти. Спор перешел в судебное разбирательство, тянувшееся 15 лет и завершившееся лишь через 8 лет после смерти М. А. Достоевского.

Требование Достоевских разделить землю взбесило окончательно Хотяинцева и «он начал похваляться, что купит имение двоюродного брата, деревню Черемошню и тогда будет держать в тисках Достоевских», — пишет А. М. Достоевский.

Соседская угроза вынудила купить неразмежеванную Черемошну (таково официальное название), около 50 десятин с 67 крепостными.

Хозяйство в имении вела жена. Слабая здоровьем, она умерла от чахотки в 37 лет, оставив семерых детей — младшему полтора года. Смерть жены потрясла М. А. Достоевского настолько, что еще не старый, сорокавосемилетний человек, ссылаясь на «трясение правой руки», припадки и ухудшившееся зрение, вынужден подать в отставку.

Старших сыновей, Михаила и Федора, отец отвозит в Петербург для поступления в Инженерное училище, а сам переселяется в имение.

Усилия наладить хозяйство оказались тщетными. Весна 1839 года предвзоветила беду.

Записки агронома, жившего поблизости от Дарового, расширяют картину бедственного лета 1839 года. В июне жара доходила до 40 градусов. Земля истрескалась, почва высохла, хлеба росли в «пепеловидном порошке, в знойной атмосфере тропиков».

Нетрудно представить, как переживал эту беду больной, изломанный жизнью человек.

3.

16 июня из Каширского земского суда было отправлено тульскому гражданскому губернатору следующее донесение:

Сего июня 6 числа утром Надворный Советник Михайло Андреев Достоевский имея от роду 54 года (неточность: М. А. Достоевскому было 50 лет. — Г. Ф.) распорядившийся имением покойной его жены Каширского уезда в селе Даровом — быв в поле для присмотра за возившими крестьянами навоз скоропостижно умре по произведенному временным отделением Сего Суда следствию в насильственной смерти его Г-на Достоевского сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала таковая, как свидетельством Уездный Штаб-Лекарь Шенкнехт удостоверяет от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных (далее во всех документах — геморроидальных. — Г. Ф.) напряжений от коих привычного пособия не было принято.

Первое заключение о причинах смерти, однако, дал врач из Зарайска, медико-хирург И. Х. Шенрок. Что же заставило послать за врачом не в уездную Каширу, а в ближайший, но другой губернии город Зарайск? Ведь так или иначе, при скоропостижной смерти уездный врач все равно должен освидетельствовать тело. Напрашивается вывод: было дорого время. По-видимому, когда посылали за врачом, М. А. Достоевский был жив и его пытались спасти.

Шенрок был городовым врачом, несшим, как и уездный, судебно-медицинскую службу, но он был чиновником другой губернии и дать формальное свидетельство не имел права. Вот почему, несмотря на то, что факт смерти уже установлен, посылают за местными властями. Труп оставляют там, где произошло несчастие. Наставлением врачам при судебном осмотре предписывалось — до «формального осмотра... нужно стараться, чтобы тело, как предмет судебного исследования, оставалось в том же месте и в том же положении, в котором человек умер». С телом Достоевского поступили в строгом соответствии с инструкцией. Труп пролежал в поле два дня. Уездный штаб-лекарь Шенкнехт, как мы видели, подтвердил заключение Шенрока.

Сведения о смерти помещика Достоевского сразу же выходят за пределы уезда, об этом, как положено, доносят губернатору. Никаких противоречий в документах и донесениях, неизбежных, если дело фальсифицируется, не обнаруживается.

20 июня в Каширском уездном суде при рапорте из Каширского земского суда рассматривались материалы о «скоропостижной смерти от апоплексического удара... М. А. Достоевского».

22 июня на заседании в Тульской врачебной управе заслушаны рапорты уездных врачей «с копиями со свидетельств о мертвых телах», и среди прочих — каширского... о надворном советнике Достоевском. Скрепленный протокол отослан в Каширу. Ни материалы следствия, ни медицинское свидетельство сомнения не вызывали.

Но вот 6 июля в Каширский земский суд явился местный помещик ротмистр А. И. Лейбрехт, «изъявив в смерти Его Достоевского подозрение на крестьян его». От него потребовали «на бумаге сведения».

И Лейбрехт записал: «...слышал он от Г-на В. Ф. Хотяинцева (родственника соседа Достоевского. — Г. Ф.), что в смерти... Достоевского имеется сумнение в том, что будто бы какая-то девка г-на Достоевского слышала крик его, и чтобы она о том никому не говорила брат ее запрещал; люди его Достоевского так озлоблены когда обмывали тело умершего били по пятам и не хотели оное вносить в церковь».

В тот же день исправник пишет донесение о необходимости доследования. На него последовала резолюция:

«Напротив же сего, по произведенному следствию... оказалось совершенно сему (т. е. сообщенному Лейбрехтом. — Г. Ф.) противное... за всеми тщательными изысканиями ничего не оказалось и ни от кого никакого сумнения кроме г-на Лейбрехта».

Все же доносу Лейбрехта дан ход, и 26 июля последовало обращение к В. Ф. Хотяинцеву за подтверждением слов Лейбрехта. Однако В. Ф. Хотяинцев «совершенно во всем сделал отрекательство». Разноречивость показаний требовала очной ставки Лейбрехта с В. Ф. Хотяинцевым.

Только через полтора месяца удалось свести для очной ставки Лейбрехта и Хотяинцева, явно избегавших встречи в суде. Наконец, 12 сентября они явились в суд, и Лейбрехт, повторив ранее сказанное («все сии слухи», как сказано в документе), уличил Хотяинцева: его показания в суде — пересказ того, что услышано у Хотяинцева дома. Хотяинцев, однако, вновь все отрицал и заявил: Лейбрехт «вывел» на него «все по злобе». И тут Лейбрехт дал новые показания, из которых открылось, что В. Ф. Хотяинцев прямо просил Лейбрехта сообщить исправнику: «Г-н Хотяинцев Павел Петрович (сосед Достоевского. — Г. Ф.) его ждет к себе непременно, дабы открыть все сие дело».

Так впервые раскрывается для нас источник слуха об убийстве: сосед Достоевского, с которым ведется нескончаемая тяжба. «Версия» о позорной кончине М. А. Достоевского бесчестьем ложится на его детей, угрожает мужикам каторгой.

Существует свидетельство А. Достоевского о посещении Дарового тещей М. А. Достоевского О. Я. Нечаевой, приехавшей забрать сирот Николая и Александру.

Поведав О. Нечаевой об убийстве, Хотяинцевы, пишет А. Достоевский, «не советовали возбуждать об этом дела» — «отца детям не воротишь; трудно предположить, чтобы виновное (по словам Хотяинцевых. — Г. Ф.) временное отделение дало себя изловить...»

Однако после встречи с О. Я. Нечаевой П. П. Хотяинцев через посредство В. Ф. Хотяинцева доносит на крестьян соседа. Именно от него идет версия об убийстве — и в Каширский суд, и к московской родне, и к детям М. А. Достоевского. Со слов Хотяинцева и возникает спустя месяц дело. Таким образом, все сведения об убийстве имеют один источник. Достаточно ненадежный.

Нелишне напомнить — смерть помещика Достоевского случилась в начале лета 1839 года, а следствие происходило в период «необыкновенного бедствия: пожаров и волнения народного», когда «вся внутренняя Россия представляла в продолжение целого лета ряд происшествий, дотоле беспремерных», — как сказано в «Нравственно-политическом отчете III отделения».

Убийство крепостными помещика — дело, которое в подобной обстановке невозможно замять. Ничтожного «подозрения» было достаточно для осуждения мужиков (не на это ли рассчитывал П. Хотяинцев?).

4.

Завершив следствие, Каширский уездный суд 16 ноября постановил: «случай смерти... предать суду воли Божией, так как в оной виновных никого нет». Тульская палата уголовного суда присланные на ревизию материалы дела сочла не во всем удовлетворяющими и послала указ о продолжении следствия. Губернский прокурор непосредственно сам предписал уведомить его о расследовании. В Москву послали запросы родным и бывшей 6 июня 1839 года в Даровом няньке детей Достоевских... Нужно ли дальше протоколировать материалы следствия? Но на некоторых фактах остановиться необходимо.

Каширскому предводителю дворянства, например, предписывалось, «чтоб оный в образе жизни... А. И. Лейбрехта и... В. Ф. Хотяинцева чрез кого следует учинил повальный обыск». (Представленные сведения сочтут недостаточными и потребуют

дополнительных. Предводитель дворянства приходился родственником жене П. П. Хотяинцева.) От него затребовали, и «как г. умерший Достоевский в жизни своей обращался с своими крестьянами, и не было ли от них приносимо Ему какие-либо жалобы, и буде были то какие именно и в чем оные заключаются». (В свое время В. С. Нечаева писала, что у нас нет оснований считать обращение М. А. Достоевского со своими крестьянами жестоким. Сведений о жалобах в материалах следствия нет.)

Отзыв Шенрока, заверенный инспектором врачебной управы, передан в каширский уездный суд. Только теперь свидетельство врача другой губернии могло быть признано документом.

На заседании 13 февраля 1840 года заслушивались сведения, отобранные... и «от крестьян г. Достоевского Андрея Миронова и прочих показания учиненные крестьянской девочки Марфы Исаевой с крестьянином Алексеем Михайловым очные ставки изъятые от старосты Савина Иванова и дворового человека Григорья Васильева». И отец тринадцатилетней Марфы, и отец двадцатитрехлетнего Алексея считаются, по рассказам мужиков, двумя из четырех убийц. Что же помешало осудить их?..

Только в конце октября 1840 года, после новой ревизии Тулой материалов доследования, дело «О скоропостижно умершем...» было сдано в архив суда.

П. П. Хотяинцев, объявивший о «вине» крестьян Достоевского, в документах дела больше не упоминается. Лейбрехту же суд считает нужным «подтвердить, чтоб он впредь в подобных сему случаях был осторожнее». Поражение потерпел слабый — клеветником остался Лейбрехт. П. П. Хотяинцеву не удалось засудить крестьян соседа и тем самым окончательно разорить детей человека, отважившегося начать с ним судебное дело. Месть не удалась. Но мог ли он предвидеть, какую одержал победу над своим врагом? Жестоким крепостником, опозоренным своей насильственной смертью, долгое время жил М. А. Достоевский в биографии своего великого сына.

Споры о причинах смерти М. А. Достоевского и о судьбе Дарового впоследствии нашли отражение в ряде произведений Ф. Достоевского. Особенно ярко они отражены в романе «Униженные и оскорбленные» в образах князя Валковского и Ихменьева.